

Журнал "Байкал"

№ 1, 1964

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Байкал": № 1, 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 161 с.

ISBN 978-5-458-66488-2

Журнал "Байкал" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходил в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66488-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

жение героических дел и устремлений нашего великого современника — такова задача писателя страны социализма. С этой задачей отлично справлялась советская литература. И нет никакого сомнения в том, что она справится со своими задачами и сейчас, в поворотный момент развития всего народного хозяйства, всего строительства коммунизма. Отразить талантливо и верно борьбу народа за дальнейший технический прогресс в нашей стране, отразить в книгах живые дела живых современников, героев большой химии — долг каждого советского писателя, в каком бы жанре он ни работал.

Наша эпоха ставит перед советским писателем требования, совершенно отличные от писателей прошлого или от писателей современного капиталистического Запада. Речь идет о том, что верность отражения грандиозных дел наших современников обязывает писателя отлично разбираться в этих делах, то есть знать в достаточном объеме то, что составляет главное направление в промышленности и в сельском хозяйстве. Не подлежит сомнению, что таким направлением в народном хозяйстве нашего времени является химия. Писатель не может остаться в стороне от всенародной борьбы за большую химию. А эта борьба потребует знаний, знаний и знаний. Иначе и немыслима участие писателя в выполнении исторического постановления декабрьского Пленума ЦК КПСС. Иначе получится просто конфуз. Как можно писать, например, о мыслях и думах, о делах и замыслах инженера-химика, задумавшего изменить технологический процесс получения какого-нибудь химического продукта, если взявшийся за очерк на эту тему писатель не будет разбираться в азах химии? Отсюда вывод: писателю тоже надо садиться за парту, за книгу и изучать основы современной химии. Мы говорим «тоже» потому, что сейчас вся страна бежит за учебники по химии. Рабочие и колхозники, партийные работники и специалисты сельского хозяйства — сейчас в буквальном смысле этого слова не най-

ти такого работника на селе, кто бы не изучал химию. Да и не только на селе. Снова и снова становится во весь рост старый, как мир, вопрос: сколько надо знать писателю? И снова и снова время дает ответ на этот вопрос: больше, обязательно больше, чем читатель. Еще Чернышевский называл литературу учебником жизни. Грош цена такой книге, из которой читатель не почерпнет никаких новых истин, никаких новых сведений. Стало быть писатель обязан непрерывно, непрестанно, жадно и неустанно стремиться все к новым и новым знаниям.

Все это касается не только писателей. Точно такие же требования предъявляет современность ко всей творческой интеллигенции. Невежеству должна быть объявлена война во всех сферах нашей культурной жизни. Сколько еще у нас встречается таких, которые не стыдятся того, что не имеют основательных познаний ни в одной отрасли человеческой деятельности, не считают даже неудобным не знать основы агрономии и писать, в то же время, о трудовых буднях колхозника!

С течением времени все яснее и яснее становятся дали, за которыми уже не угадываются, а узнаются зримые черты коммунизма. Народ наш с каждым днем наращивает свои усилия с тем, чтобы самоотверженным творческим трудом приблизить полное торжество коммунизма. Этот труд прекрасен. Он достоин самых лучших строк и в поэзии и в прозе. Он достоин напряженных поисков кисти художника, достоин небывалых по красоте формы и мысли мелодий композиторов. Давайте творить во имя народа, строящего коммунизм — светлое завтра нашего народа, лучезарное будущее всего человечества!

К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В. КИРИЛЛОВ,
бригадир электрослесарей
электромеханического цеха ЛВРЗ

МУДРОСТЬ ТРУДА

О черк

Рис. худ. С. Бобылева.

СРЕДИ бездельников я встречал красивых, а вот умных не встречал. Меня это и не удивляет: мозг — не живот, от даровых хлебов больше не становится. Зато среди тех, кто не мечтает без труда вытащить рыбку из пруда, я встречал настоящих мудрецов. Загляните к нам на ЛВРЗ. В любом цехе вас представят депутату. Каждый из них, в конечном счете, именно тот самый «кухаркин сын», которого Ильич хотел научить управлять государством. И научились, здесь, на заводе. Труд стал учителем. Ему, мы, рабочие, обязаны всем. Он втолковывал нашим отцам «алгебру революции». Моему поколению он разъясняет законы будущего.

Все это я высказал не ради красивого словца. «Предисловие» мне понадобилось для того, чтобы ярче, правдивее рассказать о моих друзьях, о нашей бригаде электрослесарей, которую вы всегда можете встретить в электромеханическом цехе.

НЬЮТОНЫ И ЯБЛОКИ

ГОВОРЯТ, что открытия совершаются случайно. В доказательство обычно ссылаются на Ньютона. Мне эти ссылки кажутся пустыми. Ньютон дни и ночи напролет работал над изучением законов природы. Если было бы иначе, даже яблок, рухнувший на голову, не натолкнул бы его на открытие.

Наша бригада пришла к своему «открытию» тоже не вдруг.

В те дни завод как раз перестраивался на ремонт электровозов. Ну и чтобы первую машину встретить более или менее по хозяйски, администрация завода направила группу рабочих стажироваться на московский завод. Попал в эту группу и я.

Вернулся на ЛВРЗ через месяц. Направили меня в электромеханический цех. Так я стал первым электрослесарем, ремонтировавшим первый электровоз.

Электровозы все прибывали и прибывали. Понадобилась уже целая бригада. Пришли ко мне на помощь Поликарп Павлов, Вячеслав Дорошенко, Федор Павлов, Евгений Попов, Устин Иванович Шкабров, Егор Васильевич Швырков, Юра Пестерев и Лёня Хакимов. Девять человек — сила немалая, но только в том случае, если опыт у каждого есть. А у нас опыта было не больше, чем воды в засыпанном колодезе.

Положение незавидное. Можно обни

ваться на прощание и расходиться в разные стороны. Но мы не разошлись. Всех нас жизнь не раз солила и пересаливала, поэтому мы точно знали: опыт — дело наживное. На том и порешили: будем дружно жить — поживать и опыт наживать.

Наживали буквально по крохам. Голова от раздумий гудела, а уж поту пролила — вуд соли можно выпарить из этого пота. Ведь у нас даже инструмента нужного не было. Подгоняешь на глазок, по несколько раз переделываешь, пустяковую операцию на несколько этапов разбиваешь. Камешки, вот-вот нервы, которые натянуты струной, не выдержат, пошлешь все к разбитой матери и побежишь к начальнику цеха требовать перевода на другой участок. Но тут, в самый критический момент, словно ненароком Женя Попов оказался. А у Женки всегда в запасе есть шальная шутка. Рассмешит — гнев как-будто рукой сняло. Мысль снова ясна, значит, дело тебе подчиняется охотнее.

Помню, однажды бился я с наконецным выводом — есть такие детали у плюсовых катушки. Сверлить их надо. Сажу и разбиваю керн по линейке. Разметил. Беру сверло. Р-раз. Накренилось и... брак. Из досады готов был сверло разбить. Но спас сверло «от расправы». Поблагодарил, а потом и говорит, вздыхая:

Да-а, размечать — скучное занятие. Вот бы подумать, чтоб без разметки, по шаблону.

Ушел он, а у меня звучит в ушах — «по шаблону». Не выдержал, разыскал мастера, посоветовались мы и увидели, что можно этот самый шаблон для сверловки плюсовых катушек сделать. Засел за чертежи, и дней через пять испытали мое изобретение. Удачно прошло испытание: брака нет — примки немало сэкономлено.

Мой штамп и стал тем самым «яблоном», которое напряженную до предела работу толкает на завершающий шаг к открытию.

Радовались находкам, как дети. Как-то Максимович Павлов пришел на работу и говорит:

— Пратцы, кто сегодня катушки лудить будет? Ага, никому, вижу, неохота переделывать эти машины к ванне с оловом. А зачем мы, собственно, их таскаем. Это же по работе получается, муравьиная возня это. Умом надо, ребятки, чаще раскидывать. Скажите, почему, собственно, не делать нам маленькие переносные ванны? Инициировал катушку лудить, ванночку привнеси и луди за милую душу. Удобно, не так ли?

Логично, сегодняшнему «Ньютону» не дали. Гаркнули хлопцы «ура» и кинулись искать Максимыча.

Открытия накапливались. Кто-то электрички модернизировал, другой настоял рабочим места переоборудовать, третий решил старую электротележку и предложил использовать ее для перевозки катушек. Словом, к октябрю прошедшего года у нас работал добрый десяток собственных изобретений. В постоянном творческом

поиске возмужал наш опыт. Производственные нормы выполнялись легко, без напряжения. До октября мы с грехом пополам справились с ремонтом 12—14 электровазов. После октября 19—20 машин проходили через наши руки.

Так бригада оказалась «на стартовой площадке» для взлета в небо большого новаторства.

ОДИН ДЕНЬ В ОКТЯБРЕ

ДЕВЯТЬ парней обменялись папиросками, посмеялись над шутками. Замолчали, но не расходятся. Понимают, что собрались в этот раз не для обычной веселой послеобеденной беседы, длиною в одну папиросу. Ждут, когда начну говорить. А мне немного не по себе — страшновато. Смотрю на ребят: чего их вроде бы бояться, свои ведь в доску, светлые души, добрые парни. Словом, нечего мизансцены разыгрывать, говорить надо.

Начинаю. Так, мол, и так, ребята, закрывал я нынче наряды. Хорошо закрыл. Сами помните. Получили мы денежки честные, пахнут они только потом нашим и все-таки легковаты те рубли, друзья.

Думал прервут меня, разобидятся. Но нет, слушают серьезно. Полегче мне от этого доброго внимания стало. Продолжаю начистоту мысли свои выкладывать. Видите ли, братцы, мне наряды закрывать приходится и поэтому я порой замечаю то, что не видно вам. А заметил я, что плюсовые катушки к электровазу «ВЛ-60» мы вдвое быстрее делаем, чем по нормам положено. Ясно теперь, почему рубли-то наши легковаты?

Молчание. Но по глазам вижу, понимают парни куда гну, а молчат. Почему? Думают, что в инициаторы на их горбу выехать хочу? Может быть, не хотят расставаться с мирным житьем-бытьем, с успехами, которые вырвали из лап разных неурядиц? Закрутилась в голове моей вот такая буря мыслей, из-за нее и не заметил кто же первым из нашего круга молчание вышвырнул. Слова помню, спокойные гордые такие:

— Ты что это, бригадир, в друзей не перишь? Дело ясное. Мы же рабочие, не кустари-одиночки. Не ждять же нам когда хронометрист заявится да за верстак спрычется...

Ну и хохот же тут грянул! И вот почему. По заводу давно пестрела история бродит о «дуэли» нормировщика и фрезеровщика. Заметил первый, что рабочий явно перекрывает нормы. Решил снять хронометраж. Снял — и глазам не верит: сделал рабочий в норму укладывается. Пришел в другой раз, спрятался за колонну, фрезеровщик заметил «засаду» — и опять хронометрист в дураках остался. Долго танцевала эта «дуэль», а закончилась неожиданно.

Пад сехом крышу перекрывали. Нормировщик забрался туда. Взял бинокль — и снимает преспокойно хронограмму. Про-

горел бы, конечно, на этот раз фрезеровщик да кровельщики помогли. Послали «голубя», а на нем написали: «Брату по классу. ОТК на крыше». Фрезеровщик принялся время тянуть специально. В цехе хохот. Посмотрят парни на крышу — и за животы хватаются... Так и провалилась «операция»!

...Похохотали мы вволю, а потом серьезно заговорили о том, что нам такая «дуэль» не подходит. Время не то, люди не те. Каждый хорошо помнит слова Никиты Сергеевича о личном резерве рабочего, о том, что резервы эти не нужно прятать, потому что они необходимы для технического прогресса. В бригаде наши резервы накоплены. Если ввести их в бой, победу можно завоевать немалую.

Охваченные раздумьями, мы разошлись по своим местам, а после смены собрались опять в круг и без всяких проволок принялись анализировать свой рабочий день. Подметили наши «дыры», в которые время просачивается, придумали как эти «дыры» заткнуть. Каждое предложение записали и получился у нас самый детальный план по улучшению организации труда. С этим планом и отправился я на «дипломатические переговоры» к руководству цеха.

Начальник цеха Михаил Федорович Филиппов и парторг Григорий Филиппович Бадмаев выслушали меня, не скрывая удивления и... недоверия. Самостоятельный контроль над мерой труда и зарплаты? Не слишком ли рискованное начинание? Однако когда я предъявил наши расчеты, сомнения исчезли. Договорились обсудить наше предложение на общецеховом профсоюзном собрании.

Обсудили. Одобрили. Увеличили мы бригадные нормы на пять процентов. Через месяц еще — на десять. Потом... Потом... мы, инициаторы, оказались «в хвосте», электросварщики цеха металлоконструкций попросили отдел труда и зарплаты увеличить им нормы выработки на двадцать пять процентов. В нашем цехе семьдесят человек стали нашими единомышленниками, а по заводу — около пятисот. Лавина рационализаторских предложений хлынула в БРИЗ. Раньше в плане электромеханического цеха по технической реконструкции у нас числилось сто тридцать два мероприятия. Теперь — триста!

И волна, вызванная нашим октябрьским днем, вздымается все круче и круче. Она смыкает с человеческих характеров корыстолюбие кустаря-одиночки, она в ще-

лы разбивает хатки, в которых приютились любители «жить с краю». Счастливого пути тебе, могучая волна!

ИЗ ТРОП ВЫРАСТАЮТ ДОРОГИ

ОТ ПОРОГА моего дома до проходной моего завода — километра полтора. Хожу я этой «полторакилометровой» девять лет: от дома — до завода, от завода — до дома. Если бы сложить, — интуитивно я, — все «полторакилометров» получилось бы весьма порядочное расстояние. Что-то около девяти тысяч километров. Любый путешественник позавидует. И не только «километраж» завист вызывает, но и мои впечатления.

Я каждый день шагаю по своей тропе: бодрый — на работу, усталый — с работы. Иду и признаюсь... в любви к жизни, к той, которая так бурно шумит по обеим сторонам моей тропы. Со мной прощаются спутники, со мной здороваются встречные. Встречным я уступаю дорогу. Их не надо задерживать, они спешат на работу.

Провожу встречных взглядом. Люблю смотреть на людей, уверенно и радостно идущих на труд. Шаг тяжел и широк. Плечи, чуть-чуть, не до сутулости, расслаблены. Они налиты силой, смекалкой, силой рабочего, и ее берегут сейчас. Дни сосредоточены. Взглянешь на такое лицо и поймешь — человек идет рука об руку с могучей думой о деле, за которое ему вскоре предстоит взяться.

Я уступаю дорогу встречным и смотрю им вслед. Со многими я знаком. Все они пришли к нам в бригаду как только узнали о нашем почине. Пришли и скакали прямо:

— Ну... это... Коль помочь... пожалуйста.

Помогали без назойливых просьб. Кузнецы стали обжигать катушки в галочных печах своего цеха. Механики разыскали заброшенный станок и приспособили его для разделки изоляции выводных концов катушки.

Сильные и чуткие руки друзей оказались главным оружием в нашем «арсенале». Друзья помогли нашему делу: стоять, окрепнуть, а потом пошли за нами. Идут... идут... идут... А когда по тропе встают сподвижники, из тропы растет широкая дорога.

Чимит ЦЫДЕНДАМБАЕВ

НАШ ДРУГ ВОЛОДЯ

МАЛЕНЬКИЙ Володя Бадмаев терпеть не может, когда над ним посмеиваются. Какой-нибудь дядя сделает умное лицо, поглядит этак серьезно и скажет:

— Этот мальчик рассуждает, как старуха.

Разве можно стерпеть такую обиду? Вовсе сразу захочется здорово досадить самодовольному дяде: закричать, запрыгать, пролить на скатерть чернила, влезть во дворе на самое высокое дерево, кидать оттуда взрослым на гладкие лысины сосновые и смолистые шишки. Или целую неделю сидеть там на скрипучем суку и плакать.

Володя еще не очень большой мальчик, ему пока восемь лет, он уже немало знает. Если пока и не все понимает, так у него впереди еще сколько времени, все красивое, все интересное будет знать.

Он обладает огромной силой воли, сам воспитывает в себе терпение и мужество: не станет хныкать, если иной международный жулик будет даже десять суток держать его в подвале на одной воде и хлебе. Если пьяный верзила Махатханов саватит за ноги и опустит вниз головой, он и то не заревет. Нет, он не такой, чтобы уронить свою честь.

А вот, когда какой-нибудь дяденька, нуснай даже очень хороший, или какая-нибудь тетенька выслушает все его мечтания и мысли, и вместо того, чтобы поблагодарить за умные слова, скажет: «Этот мальчик рассуждает, как старуха», — это же Володя не согласен спокойно стерпеть. Старухам может и приятно, что у них та-

кие молодые мысли, как у этого мальчика, они от такой похвалы готовы петь веселые песни, а для Володи это горькая обида. Как у взрослых поворачивается язык говорить такие несуразности?..

Вообще, мальчишкам, которым по восемь лет, очень трудно жить на земле, их все обижают. И особенно — весной.

Весна не похожа на осень, это всякий знает. Осенью короткие, серые дни, длинные ночи... А весной дни ясные, теплые, сегодня длиннее, чем вчера. Об этом в каждом стенном календаре точно указано, минута в минуту.

Весною взрослые обижают маленьких за все. За то, что ты во дворе, а во дворе весна. Разбежишься, разовьешь высокую скорость, не сможешь сразу затормозить, заденешь легонько тетеньку с сумкой — и все. Яблоки раскатились по мостовой. Яблоки у нас не особенно растут по каким-то там климатическим причинам, они привозные, их изредка продают в хрустящих целлофановых пакетах, похожих на крылья стрекозы... Извинишься, как полагается, поможешь тетеньке собрать яблоки, она тебя не только не угостит яблоком, но еще обзовет сорванцом, пригрозит отодрать за уши.

Что там весна, даже зимой взрослые мешают играть как следует. Играли мы в Чапаева, Саша Курносков и Миша Дамбаев были дозорными белого генерала, а Гоша Ваганян будто правдашний разведчик чапаевской дивизии. Не мы, кто-то другой попал чистеньким-чистеньким снежком дяденьке в спину. Снег белый-белый, совсем не грязный, а дяденька за-

кричал так, будто я залепил в него комком глины или настоящей гранатой. Схватил меня за плечо и обозвал хулиганом. Даже играть расхотелось... Из-за этого дяденьки, по словам Володи Бадмаева, его окружили белые, контузили и совсем уничтожили.

Мальчишки не должны терпеть такие незаслуженные обиды. Володя решил покончить с этим раз и навсегда, написать письмо самому маршалу Семену Михайловичу Буденному. Когда мамы не было дома, он так и написал на конверте: «Москва, Буденному Семену Михайловичу самому. Маршалу». И стал думать, что еще можно добавить. А ничего и не надо добавлять: даже в большой Москве не может быть второго Буденного, да еще Семена Михайловича, маршала. Да во всей России Семен Михайлович Буденный рождается один раз в сто лет.

На конверте он больше ничего не дописал, внизу только прибавил: гор. Улан-Удэ. Школа № 37. Володя Бадмаев.

Вырвал из тетрадки белый-белый, чистый-чистый листок, обтер промокашкой перо и принялся сочинять письмо.

«Дорогой товарищ Буденный,— старательно выводил Володя.— Все мы узнали из газет и по радио, что тебе десятого марта стало ровно восемьдесят лет. И что тебе золотую медаль дали. Поздравляем тебя и желаем еще долго жить.

Дорогой товарищ Буденный, ты даже не знаешь, как нас, маленьких, обижают. Зимой на стадионе коньки не дают без папиного или маминого паспорта. И еще я тебе хочу сказать...»

Больше Володя ничего не успел написать — вернулась мама, застала его за столом. Володя спал, положив голову на руки.

У многих мальчиков добрые, хорошие матери. А Володина мама строгая, даже очень злая. Разве это ему не обидно? Ведь все мамы должны быть ласковые, особенно весной...

А мать трясет перед его носом письмом.

— Ах ты, негодный мальчишка! Чего только он не выдумает! Только и знай, что следи за паршивцем. Самому Буденному задумал писать, не хватало еще беспокоить старого человека. Еще пишет: «Дорогой товарищ Буденный»... Друг какой у маршала сыскался! Еще на «ты» обращается... Ишь ты, обижают его, он

самому Буденному жалуется. Да я со всеми обидчиками сама расправлюсь. Раньше, говорят, мальчишки в твои годы на шахтах, под землей, коноганами работали, деньги домой приносили... А вы с семи лет в школу ходите да еще какие-то обиды для себя выдумываете. Мой руки, ешь да спать живо!

Володя немножко поел чего-то без всякого желанья, разобрал свою постель, и долго беззвучно плакал под одеялом.

Сейчас Володя сидит на высокой скамейке, болтает ногами в ботинках с побелевшими, сбитыми в футбол носами, и рассуждает:

— Есть такие, почти взрослые, почти дяденьки... Они с нами уже давно не играют. Им весною совсем легко. Им уже вот сколько...— Володя нагнулся, написал мелом на сером, рябом асфальте:

$$8+8=16.$$

— Вот сколько им лет — целых шестнадцать. Они уже книжки дедушки Маршала не читают. Попроси рассказать «Мойдодыра», они разозлятся, еще драться полезут... А чего задаются? Смотреть на них смешно: сидят вечерком в скверике, держат в руках книжки. Не читают, просто так держат. Я поглядел: у одного С. Есенин какой-то, у другого С. Щипачев... Молчат и на небо смотрят. А там ни самолетов, ни птичек, одни только облака на них они смотрят. И вздыхают, будто у них новенькие рогатки отобрали. Один еще тихо так сказал:

«Шаганэ ты моя, Шаганэ...»

Будто вот-вот заплачет. Печальные они какие-то, не знают, что ли: ведь скоро можно купаться и цирк открывается!

Володя не может понять, что у этих больших мальчиков есть свои обиды и печаль: безответная любовь, девичья капризная гордость... Они даже иногда завидуют маленькому Володе, хотят, чтобы им было поменьше лет. Ну, скажем:

$$16-8=8.$$

Тогда бы в душе не было весенней печали, томления любви.

А ведь и для тебя, Володя, придет такая же тревожная весна. И ты будешь смотреть на высокое небо, на зеленые почки, которые сдерживает до поры до времени великий пахучий клей, не дают личоткам распустить свои бойкие крылья. Даже стихи попробуешь сочинять... Твой маленький братишка и будущие дружки, которые едва-едва успели родиться на

Большой свет и голосисто плачут в родильном доме, будут смотреть на тебя с удивлением и немножко завидовать.

Мы встретимся с тобой через восемь лет, я верю в это. Как же мне узнать тебе, ведь ты будешь высоким, стройным и сильным? Тебе станет смешно, когда я вспомню, как ты обижался на взрослых, тогда они удивлялись, мол, ты рассуждаешь, как старуха. Они же восхищались тобой, Володя!

То же солнце будет сиять над нами. На этих деревцах будет шуршать новое, восьмое, с сегодняшнего дня, поколение листьев. Листья наизусть заучат молитву оплобленных: «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» В юности придут к тебе и другие меч-

ты — смелые и дерзкие. Они есть и у тех мальчишек, которые сегодня сидят в черном сквере, с нераскрытым томиком стихов на коленях.

Дай мне руку, Володя. Дайте мне руку, славные мальчишки, которым сегодня шестнадцать лет. Дайте мне ваши руки, ведь они еще больше украсят наш чудесный мир. Я никогда не заканчивал своих рассказов лозунгами, а на этот раз, назло всем чертям и премудрым критикам, не могу удержаться:

— Да здравствует весна, Дети, Любовь! Да здравствует жизнь!

*Авторизованный перевод с бурятского
М. Степанова.*

А. ЖАМБАЛДОРЖИЕВ

И СНОВА ЯСНО

Зина бросила недомытые пивные кружки, приподнялась на носках и, прищурив глаза еще влажными покрасневшими руками с разбухшими от воды пальцами, посмотрела в ту сторону, откуда донеслись гул мотора. «Опять, наверное, полесмотр», — с досадой подумала она.

Зина очень любила наблюдать за взлетающими самолетами. Ее приводил в трепет рев моторов, сотрясающий землю. Казалось, машина вбирала в себя силы, чтобы в следующую минуту, покачиваясь, двинуться по полю, вырубивая на взлетную площадку. И, очутившись на ней, набирая скорость, стремительно помчаться вперед. Главное было не упустить момент отрыва от земли, когда, распластав крылья, самолет неожиданно взвивается вверх. А потом Зина еще несколько минут стояла в проеме двери и внимательно следила за все уменьшающейся сербригтой птицей. И лишь когда самолет скрывался из виду, глубоко вздохнув, возвращалась за стойку буфета.

В такие минуты ей становилось немножко не по себе. Казалось, что улетевший левинер уносил с собой частицу ее сердца. И это наводило грусть.

А тетя Варя — пожилая, полная буфетчица, страдающая одышкой, — постоянно корила Зину:

— Сполоснула бы кружки, а то дела себе найти не можешь. Ох, жара какая, — и утирала вспотевшее лицо передником.

Но ворчала она зря: Зина без дела почти никогда не стояла, только в минуты посадки и взлета машин позволяла себе подбежать к двери. Все же остальное время она молча собирала со столов пустые кружки с еще не осевшей на дно пивной пеной и осторожно клала их в белый таз, наполненный водой. Но когда тетя Варя начинала ворчать, Зина уже не с такой осторожностью опускала кружки в воду, а просто роняла их. Толстуха вздыхала и, качая головой, уже ласковее говорила:

— И что за характер у тебя. Сразу душешься, как малое дите.

Зина вообще недолюбливала тетю Варю и прежде всего за то, что та постоянно тянула пиво. «Женщина, а пьет, как мужик, — с едва скрываемой брезгливостью думала Зина. — От того, наверное, толстая такая стала», — про себя рассуждала девушка. Будь она, Зина, управля-

ющим трестом, или хотя бы, как та женщина, что приезжала к ним проверять буфет, прежде всего запретила бы тете Варе пить. Их она бы послушала. Как перед той женщиной лебезила. Даже отдуваться перестала и так забегала, словно сбросила добрую половину своих ста с лишним килограммов. Все книгу жалоб и предложений перекладывала поближе, очень уж хотелось похвастать благодарностью, что в этой книге записана.

Но Зина уже привыкла к тете Варе, и расстаться с ней было бы трудно. Ведь бывает так в жизни часто: живешь вместе с человеком и многое в его поведении раздражает тебя, но жизнь без этого человека ты себе не мыслишь, настолько он, со всеми его даже неприятными привычками, стал для тебя обязательным, необходимым. Так было и с тетей Варей. Когда одна знакомая девушка предложила Зине перейти на работу в центр города, она отказалась. Нет, никогда не променяла бы она этот буфет, из окна которого видно ясное голубое небо с летящими самолетами, на кухню в столовой даже в самом центре города. Оттуда, наверное, и небо-то как следует не увидишь.

Зина любит глядеть и в темное ночное небо, искать три маленькие звездочки — красную, голубую, зеленую. Отыскав их, наконец, она следит за ними, пока не скроются они из виду. И никакая, самая интересная книга, даже «Консуэло», которую Зина нет-нет да и снова возьмет в руки, не может помешать ей наблюдать за мерцающими в небе разноцветными огоньками. В эти минуты ее охватывает такое желание очутиться там, где плывут эти маленькие огоньки, что даже начинает казаться будто она и вправду там, с ними, в этом бездонном пространстве. И от этого становится немного жутковато, точно из-под ног ее исчезает твердая почва.

Зина с завистью смотрит на людей, собирающихся в полет, хоть и кажется ей, что лететь, должно быть, в сущности, очень страшно: ведь под крыльями нет надежной опоры, чего доброго, еще сорваться можно. «Как же эти люди не боятся летать?» — часто спрашивает себя девушка.

Это, конечно, не касается пилотов и штурманов. Человек ко всему привыкает. Но пассажиры, им, наверное, очень страшно лететь», — думает девушка.

Зина, а, Зина, куда ты пропала? —

слышит она голос тети Вари и это выводит из раздумья.

— Я здесь, — кричит девушка.

— Пора закрывать буфет, а ты куда-то исчезла, — как всегда ворчит тетя Варя. Иди сюда.

Ну, конечно, ведь до ночи самолетов больше не будет, иначе тетя Варя ни за что бы не закрыла буфет — это Зина хорошо знает. Она в последний раз бросает взгляд на стоящие «ИЛы». Солнце купает их в своих закатных лучах.

Зина вздрагивает, почувствовав как по спине пробегает вечерний холодок, зачем-то вытирает о белый фартук давно просохшие руки и вбегает в помещение буфета. Тетя Варя уже сложила выручку в старую кожанную сумку, давно вышедшую из моды, и, бренча ключами, поджидала Зину.

— Видно на автобусе нынче ехать придется, — поохала тетя Варя.

— А мне что, — пожала плечами Зина. На автобусе, так на автобусе.

— Ишь, богачка нашлась! По двадцати копеек каждый день где наберешь?

— Но ведь не каждый день, — возразила Зина. — Это сегодня, потому что самолетов нет.

— И без тебя знаю, — оборвала ее тетя Варя.

Зина пригладила свои короткие светлые волосы, накинула на голову голубую, темной каймой, косынку.

Автобуса долго не было. Обе, зябко поживаясь, сидели на ступеньках аэропорта, и тетя Варя методично ругала Цыбана. Потом она вспомнила про Доржи.

— Приехал бы хоть он, с ним тоже уехать можно. Так и этого черта нет сегодня.

Зину знобило, она хотела скорее уехать, и ей было все равно — приедет ли автобус, Цыбан ли, Доржи...

Цыбан — муж тети Вари. У него большие жилистые руки, черные усы украшают его лицо. Он вечно сосет свою кривую трубку. Дядя Цыбан возит бензин для самолетов.

Когда они с тетей Варей садятся в кабину его бензовоза, Зине всегда выпадает место в середине. Она не переносит сильный запах бензина, которым, кажется, насквозь пропитался дядя Цыбан, и все время незаметно прикрывает нос рукой. Если приходят две машины, Зина спешит в парню с черными глазами и бронзовым

от солнечного загара лицом. С какой радостной улыбкой он всегда встречает ее! Доржи так же молчалив, как дядя Цыбан. И от него, наверное, не меньше несет бензином. Но рядом с ним Зина не задыхается, нет, она даже не чувствует, что его одежда пропитана этим кислым запахом.

Но шевелюсь, сидит Зина рядом с Доржи. Она любит его быструю езду. Плохо только, что приезжает он обычно, когда летает много самолетов. А дядя Цыбан — всегда. Он усаживается за столик, пьет пиво и курит свою неизменную трубку. Почему Доржи не так часто приезжает? — нередко с сожалением думает Зина.

Незаметно начинают сгущаться сумерки. Стало еще прохладнее. Зина застегнула пальто, обвила грудь руками. Когда же придет автобус? Уж хоть бы дядя Цыбан приехал, а то сиди тут, дрожи от холода. Тете Варе что? Ее жир греет, да еще в пальто она. Ей хоть час, хоть два сиди, не замерзнет. Зина с досадой думает: зря она все-таки не пошла на работу в столовую. Не пришлось бы тогда каждый день ездить десять километров в одну и десять — в другой конец. А может, еще и сейчас не поздно? Надо бы узнать. — Зина машинально тянет на себя левую пальто сидящей рядом тети Вари.

— Ты чего? — недоумевает та. — Замерзла, небось. Ну да, чем по кино да по театру богаты, пальто справила бы лучше.

«Опять ворчит, — думает Зина. — И когда только перестанет?» — Она поднимается, чтобы пойти в зал — немного погреться, и тут замечает огни приближающейся к аэропорту машины.

Автобус! — весело кричит Зина и бежит ему навстречу.

НА ЗАВТРА полил дождь, небо намочил, похолодело, тяжелые тучи опустились к самой земле. Потоки дождя заструились широкими мутных ручейков. Он хлестал в окно то усиливавшийся, то немного затихавший. На краю взлетной площадки, только нахохлившись птицы, молчаливо стояли самолеты.

Зина знала, что такая погода называется полетной. И, конечно, ждать в эти дни посетителей нечего. Тетя Варя ушла к своему-то своим знакомым, строго наказав Зине не забывать про деньги. «А то, чего доброго, пиво отпустишь, а деньги полу-

чить забудешь. Знаю я тебя, — как всегда, ворчливо сказала уходя толстуха. — Да по два раза считай, чтоб не просчиталась». — Она наговорила еще кучу всяких наставлений, которые Зина, впрочем, пропустила мимо ушей.

Но все это было ни к чему. Кого можно ждать в такую погоду? Летчики сидят по домам, играют в кости, рассказывают какие-нибудь истории — в них у летчиков недостатка нет — и пьют чай, а может быть, и что-нибудь покрепче. И им тепло. Тепло и тете Варе, а Зине нужно сидеть в пустом, холодном зале буфета и караулить его. И так всегда. Что это за жизнь такая? — вздыхает Зина. — Когда, наконец, этот дождь перестанет?

Тетя Варя сказала, что после этого дождя они с Зиной пойдут по грибы. Смешная, какие же грибы будут после такого дождя. Ох, если бы можно было его прекратить, ну взять и остановить дождь, сказать ему — перестань лить — и он бы сразу послушался, перестал. Вот радость была бы. И все, не только она, и летчики, и штурманы, и пассажиры с коричневыми, черными, желтыми чемоданами, — все обрадовались бы выглянувшему солнышку и хвалили бы ее, Зину, за то, что она, наконец, прекратила эту промозглую погоду. Ее даже, наверное, поздравляли бы, снимали перед ней шляпы, благодарно жали руки. Как это было бы приятно.

От этих мыслей становится немного теплее. Зина достает небольшое квадратное зеркальце, ставит его перед собой и долго смотрится в него. Поджав тонкие губы. Зина проводит по ним пальцами, приглаживает распластанные брови, такие желтые, как осенние кусты, закидывает упавшую на высокий лоб золотистую прядь волос. «Кажется, ничего, довольно красивые волосы», — отмечает про себя девушка.

А за окном, не переставая, также льет дождь, монотонно колотя в стекла, и от этого в ушах стоит непрекращающийся шум.

Внезапно раскрывается дверь. Шлепки дождя становятся отчетливее, но их тут же заглушают шаги и молодой громкий голос:

— Ну и погодка, черт побери.

Зина быстро прячет зеркальце, исподлобья, улыбающимися глазами, смотрит на вошедшего. Это — высокий парень, на нем промокшая штурманская куртка. Сняв фуражку, он стряхивает на пол капли воды.

Его большие зеленые, цвета тины, глаза внимательно глядят на Зину, на губах играет веселая улыбка, по щекам с намокших волос стекают струйки воды.

— Как это, чтобы в таком городе не было приличного аэропорта. Черт знает, что такое. Вместо гостиницы — какой-то сарай, а уж о такой роскоши, как ресторан, и говорить нечего, — выпалил он единым духом, продолжая оценивающе разглядывать Зину. Его тон задел ее.

— Почему вы говорите, что нет ресторана, есть у нас ресторан и не один, вы просто не нашли его, — решительно возразила она.

— Это в городе. Мне нужен ресторан не в городе, а здесь — в аэропорту.

— Ах вот вы о чем, — уже мягче сказала Зина. Ей никогда не приходило раньше в голову, что в аэропорту обязательно должен быть ресторан. К чему он, если здесь самолеты стоят каких-нибудь полчаса, час от силы, разве недостаточно иметь для этого буфет, где всегда можно купить пиво, кое-что закусить и даже бутылку красного вина. Чего еще нужно этому высокому парню?

А он тем временем подошел к буфетной стойке и, оглядев все, что было выставлено здесь, спросил:

— А чего-нибудь покрепче не найдется?

— Чего покрепче? — не поняла Зина.

— Чего? Водки, или коньяку. Согрейся нужно. А разве этим согреешься? — и показал на вина, стоявшие в витрине.

— А у нас ни водки, ни коньяка нет.

— Да-а, бедно живете. Не то, что в Иркутске. Знал бы, что такая погода будет, в Братск полетел бы, там по крайней мере, есть что выпить.

Как захотелось Зине перенестись в Иркутск, наверное, сейчас залитый солнцем, где сверкают окна высоких домов, взглянуть на блестящую ленту Ангары. Ее она, никогда не видела, но уже столько слышала об этой чудесной реке, что легко могла представить ее, пробившую себе путь между гор, в тайге, стремительно несущуюся к своему возлюбленному Енисею. Ведь об этом даже легенда сложена, и балет «Красавица Ангара», который Зина смотрела в оперном театре. Потом еще тетя Варя ворчала: «Вот, по театрам ходишь, а носить нечего. Пальто себе справиться не можешь». А что ей, Зине, пальто, она еще справит себе, и не одно. Но не ходить в театр... Как же это можно. «Кра-

савица Ангара»... Она в действительности, наверное, даже красивее, чем о ней говорят. И огни новой ГЭС сверкают на ней. Ох, увидит ли она это все когда-нибудь?

А незнакомый штурман продолжал:

— Может, у вас есть еще что-нибудь в записке? Ну, скажем, «три семерки»?

— А что это такое «три семерки»? — не поняла Зина.

Парень усмехнулся.

— Буфетчица... и не знает что такое «три семерки». Как же вы торговать можете? Это портвейн. Вино такое, или, может, не знаете, что такое портвейн?

— Нет, почему же?.. Знаю. А «три семерки» никогда не видела, — окончательно смутилась Зина. — Вот есть такой, может, подойдет? — и она достала бутылку.

— Ладно уж, давайте этого, — снисходительно согласился парень.

Зина раскупорила бутылку, подала ему стакан. Он налил полный, залпом выпил его, отставил стакан и зажмурил свои зеленые глаза.

— Вот скоро перейдем на «ТУ», тогда к вам залетать вообще не будем.

— Почему же не будете? — возразила Зина, вспомнив, что тетя Варя как-то сказала: «А к нам «ТУ» начинают летать».

— Да потому, что «ТУ» во всякую дыру не залетают.

— Наш город не дыра, — обиделась Зина. — Тетя Варя говорила, что и у нас «ТУ» скоро садиться будут.

— А позвольте узнать, кто эта провидица тетя Варя? Если, конечно, не секрет? — в голосе парня явно слышалась издевка. Он налил себе второй стакан вина, так же залпом выпил, покрасневшие глаза его немного размякли, потеплели. Он вытащил из кармана грязный платок, протер им мокрое лицо, шею, и опять налил вино в стакан. Янтарная жидкость слегка колебалась в стакане. Шум дождя еще больше усилился. Парень оглянулся на окно и выругался:

— Вот же черт, еще сильнее хлестать стало. — Он отошел от прилавка, и Зина вдруг подумала: «Еще уйдет, не рассчитается». — Она чуть было не сказала ему, чтоб уплатил. А он, подойдя к окну, постоял возле него с минуту и, вздохнув с досадой сказал:

— Видать, надолго здесь засели. Никакого просвета. — Потом вернулся к стойке, взял стакан с недопитым вином, по-